

* * *

Ночная река, расширяясь,
 беззвучно уходит во тьму,
там что-то дрожит и пульсирует
 слева,
поток замирает и низко
 склонилося к нему
бессонницы серое голое древо.

Тяжёлая птица сутуло сидит
 на суку,
из мрака во мрак переходит
 неясная нежить.
Прихлынет волна — про любовь
 и тоску,
отхлынет волна — про разлуку
 и нежность.

Такая любовь, что и ельник
 горбатый колюч,
такая разлука, что реку сгибает
 в излучку.
Сквозь чёрную воду мерцает
 серебряный ключ,
и больно туда опустить
 ослабевшую руку.

Как страшно река обрывается:
 сразу и вне
 любых оговорок, всплывает
 изгладанный ревностью камень,
 дробится луна на беззвучной
 покатой волне,
 и рыбы плывут и луну задевают
 боками.

* * *

В притихшем парке вдалеке
 оркестр играет под сурдинку,
 моторка на Москве-реке
 шумит, как швейная машинка.

Мне жаль осеннюю швею,
 она весь день кроит, кромсает.
 Твою судьбу, судьбу мою
 швом сострочить не совладеет.

Струят последнее тепло
 сухие плиты парапета.
 Спрошу — и не дождусь ответа,
 и лето в Лету отошло.

Над попрозрачевшей водой
 под тонким небом серебристым
 мелькают велосипедисты
 по эстакаде ветровой.

Они промчатся в даль и в тень,
 и в колесе сольются спицы.
 Запомнить музыку и день —
 он никогда не повторится.

КУПАНИЕ В ОЗЕРЕ

Для рыб я птица, а для птиц
 я рыба.
 И озера мерцающая глыба,

растущая из бьющего ключа,
 колеблема движением плеча.
 Вода причудлива и каждый миг
 иная,
 шершавая, угластая, прямая,
 секундою и вечностью живёт,
 и синий мрамор неба отражая,
 и стрекозы мигающий полёт.

* * *

Как жука из коробки,
 достаю очередное слово
 с усиками суффиксов,
 рогами приставок,
 золотым хитиновым корнем,
 перламутровым окончанием.
 По всем законам физики
 оно не может летать.
 И всё же взлетает,
 оставляя стремительный
 росчерк,
 и гудит, и жужжит, и
 стрекошет.
 От Белёва летит до Формозы,
 совершая метаморфозы,
 во мрак вливается шутихою
 хвостатой,
 царапиной, цикадою, цитатой;
 светящиеся петли этих
 странствий
 загадочней каналов
 марсианских.
 И не сгорает, не сгорает, всю
 горя,
 как Фет сказал: а жаль того
 огня...

Всё остановится. Всё перестанет
 длиться.
 А оно всё будет летать,
 трепетать, светиться...

* * *

Проговори: море. Ещё раз:
море. Берега полоса.
Слышит ухо, и видит глаз,
и нестройно шумят голоса

живых и тех, кого уже нет,
делая вдох у скал,
вдруг понимаешь — крикнуть
привет
грудная клетка узка.

Небесная твердь, и водная
гладь,
и горизонта кольцо.
Смотри, как волны уходят
вспять,

и на жизнь не сетуй за
то, что увидеть твоё лицо
можно, только закрыв глаза.

* * *

Сутулый поплавок в воде увяз
по плечи,
намечен чуть пейзаж откосов
и лугов.
Какой-то ночедень — не утро и
не вечер,
запаяна вода по кромке берегов.
Откосов и лугов, узлов и
тайных петель
не отразит вода недвижимой
реки.

Все снасти, все крючки, все
невода, все сети,
насторожившись, ждут — все
снасти, все крючки.
Всё сбудется, придёт, всё вновь
на место встанет,

забудется, уйдёт и унесёт с
собой,
останется, пройдёт... О, это
трепетанье,
удилище творца согнувшее
дугой.

НЕМОЕ КИНО

Дождик прошёл, второпях,
между делом,
только и помню — ночное окно
да мельтешенье картин чёрно-
белых,
словно смешное немое кино.

Что в нашей памяти? Только
прорехи
и на воде ледяные круги.
Сонный трамвай эту ночь
переехал,
искры посыпались с чёрной
дуги.

Светит фонарь, переулочек
забрызган
люминесцентными каплями
слёз.
Слышно, как тихо жужжат
механизмы
старой, обманчивой фабрики
грёз.

Мельница снов, световых
перебоев,
годы мелькают быстрее, чем
дни.
Что ж, перематывай свой
целлулоид
и обмани, ещё раз обмани...

СВЕТ

Осенний день, но осень
сдаёт свои права.

Иней словно проседь,
ломкая трава.

И воздух словно взвешен,
и постепенно в нём
над полем опустевшим,
за глиняным бугром,

нетронутые ветром,
из одного куска,
все в переливах света,
вспухают облака.

Неярок он и млечен
свет тот неземной,
словно мир подсвечен
грядущей зимой.

